
А.Ф. Лосев и Ю.И. Айхенвальд: к истории биографических и эстетических схождений*

© 2020 г.   Е.А. Тахо-Годи

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 119991,
Ленинские горы, 1-й учебный корпус; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, 121069, ул. Поварская 25а; Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева»,
Москва, 119002, ул. Арбат, д. 33.*

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Поступила 02.06.2020

Впервые ставится вопрос об усвоении А.Ф. Лосевым эстетических суждений и методов литературного критика-импрессиониста Ю.И. Айхенвальда (1872–1928). Выявляется биографическая подоснова: возможные личные встречи в философских сообществах, контакты с сыном критика, Б.Ю. Айхенвальдом, роль эстетика Н.В. Самсонова как посредника. В научный оборот вводится отклик Ю.И. Айхенвальда в газете «Утро России» на лосевскую дебютную статью «Два мироощущения» 1916 г., в которой ошутима соловьевская софийная тема, продолженная Лосевым в философско-музыкальной прозе 1930-х гг. Указывается на схождения интересов философа и критика (А. Шопенгауэр, О. Уайльд). Рассматривается отношение Лосева к методологии Айхенвальда, ее учет при выработке оригинального эстетического учения и осмыслении дебатов о судьбах «импрессионизма», «догматизма» и «социологии» в новейших эстетических теориях (Ш. Лало). Доказывается, что лосевский «мифолого-физиогномический» метод базируется не только на гуссерлианской феноменологии и шпенглеровской культурной морфологии, но и на опыте имманентной, описательно-психологической критики Айхенвальда, пытавшегося дать типологию русской литературы. Этим объясняется высокая оценка Лосевым Айхенвальда как великого русского критика XX столетия.

Ключевые слова: Алексей Лосев, Юлий Айхенвальд, философия, литературная критика, проза, импрессионизм, догматизм, методология, эстетическое, культура.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–150–165

Цитирование: Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев и Ю.И. Айхенвальд: к истории биографических и эстетических схождений // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 150–165.

---

* Исследование подготовлено в ИМЛИ РАН им. А.М. Горького при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17–18–01432-П).

Aleksei Losev and Yuly Aykhenvald: on the History of Biographical and Aesthetic Convergence*

© 2020 Elena A. Takho-Godi

Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, the 1st study building, Moscow, 119991, Russian Federation; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation; Library-Museum "A.F. Losev House", 33, Arbat str., Moscow, 119002, Russian Federation.

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Received 02.06.2020

The paper is the first to touch on an issue of Aleksei Losev's incorporation of aesthetic ideas and methods of Yuly Aykhenvald (1872–1928), Russian impressionist literary critic, by revealing the biographic ground of this influence that included probable personal encounters in the philosophical coteries, contacts with Aykhenvald's son Boris, and the mediating role of the philosopher Nikolai Samsonov. The paper introduces into scholarly discourse Aykhenvald's review of the Losev's debut 1916 article "The Two World Perceptions" embracing Solovyovian sophiological focus, which will be pursued by Losev in his 1930s philosophical prose on music. The author highlights the convergence of interests of Aykhenvald and Losev, as both were fascinated by Schopenhauer and Oscar Wilde. The paper also deals with Losev's efforts to embrace Aykhenvald's methodology for both creating his own aesthetic theory and comprehending the discussion of impressionism, dogmatism and sociological problems within the latest aesthetic theories (Charles Lalo). The author proves that Losev's "mythological-physiognomic" method was based not only on Husserl's phenomenology and Spengler's cultural morphology, but also on Aykhenvald's immanent, descriptive-psychological critical perspective, who tried to create a typology of Russian literature, as Losev deemed Aykhenvald one of the greatest Russian 20th century literary critics.

Keywords: Aleksei Losev, Yuly Aykhenvald, philosophy, literary criticism, impressionism, dogmatism, prose, methodology, aesthetic, culture.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9-150-165

Citation: Takho-Godi, Elena (2020) "Aleksei Losev and Yuly Aykhenvald: on the history of biographical and aesthetic convergence", *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2020), pp. 150–165.

Взаимовлияние философии и литературы идет различными путями: тут и воздействие разнообразных философских учений на писателя – прямое или через текст-посредник; собственная, авторская, философия и ее воплощение в литературе; художественное оформление идей самим философом. Но существует и не столь очевидное, хотя не менее интересное поле взаимодействия философии и литературы, как литературная критика. Самый яркий пример в отечественной культуре – литературно-критическая деятельность Вл. Соловьева. Сложнее обстоит дело, когда речь идет о философах, которые, как А.Ф. Лосев, никогда литературной критикой не занимались¹. Однако

---

* The investigation was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project No. 17–18–01432-П).

обращение к, казалось бы, «биографическому» сюжету – истории отношения Алексея Федоровича к известному литературному критику первой четверти XX столетия Ю.И. Айхенвальду – позволяет выявить не только чисто биографические схождения, но и неожиданную общность в философско-эстетических воззрениях критика и философа².

Но начнем с биографических пересечений.

Вероятнее всего, имя Ю.И. Айхенвальда стало знакомо Лосеву, когда он учился в старших классах Новочеркасской гимназии (1909–1911). Лосев-гимназист ходил в театр по восемь раз в неделю (в воскресенье и на дневной, и на вечерний спектакли). Здесь он пересмотрел весь классический репертуар. О деревянном театре, сгоревшем в 1914 г., он сокрушался и в своем дневнике за 1914 г. [Лосев 2002 II, 439–440], и на старости лет: «Я страшно жалел, – говорил он, – для меня и моих сверстников это было святилище, там я постигал науку художественных прозрений» [Ростовцев 1998, 15]. В Новочеркасском театре не только ставились спектакли, но и выступали приезжавшие из столицы лекторы. Выступал тут и Ю. Айхенвальд, начиная с 1902 г. ездивший с лекциями от Бюро провинциальных лекторов. О деятельности Бюро вспоминал в предисловии к шестому изданию айхенвальдовских «Силуэтов русских писателей» и в своих мемуарах «Бывшее и несбывшееся» Ф. Степун, в 1911 г. тоже ставший благодаря Айхенвальду членом Бюро и побывавший с выступлениями в том же Новочеркасском театре [Тахо-Годи 2007^a, 18].

Каких-либо записей о новочеркасских «гастролях» Айхенвальда в лосевском архиве не обнаружено, но в студенческой записной книжке за 1911–1912 учебный год сохранился список заинтересовавших первокурсника книг и по античной мифологии, и по теории и практике художественного процесса. Помимо «Эллинской религии страдающего бога» В. Иванова, тут значатся: С. Бобров «О понятии искусства», А. Белый «Символизм. Арабески», З. Венгерова «Литературные характеристики» и главное детище Ю. Айхенвальда – «Силуэты русских писателей» (вып. 1–2).

Получив рекомендательное письмо профессора Г.И. Челпанова для посещений Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, Лосев-студент повидал весь цвет Серебряного века – и литературный, и философский: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С. Дурылина, Вяч. Иванова, И.А. Ильина, Г.А. Рачинского, Е.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского, С.Л. Франка и др. Личное общение с ними вступит в новую стадию в революционное лихолетье [Тахо-Годи 2014]. Вероятно, тогда же произойдет и более тесное сближение с С.Л. Франком [Тахо-Годи 2013], дружившим с Айхенвальдом и в 1929 г. в некрологической статье, посвященной его памяти, очертившим с религиозно-философских позиций личность безвременно ушедшего из жизни критика [Франк 1929].

То, что Айхенвальд как глубокий почитатель Вл. Соловьева, поддерживавший знакомство с философом последние годы его жизни и неоднократно о нем писавший в дальнейшем³, мог бывать на заседаниях Общества не исключено⁴, хотя в повестках РФО мы его имени не найдем [Ермишин 2011]. С 1890-х гг. Айхенвальд был связан с Московским психологическим обществом, был ученым секретарем этого Общества, к деятельности РФО относившегося с холодной настороженностью. Лосев будет выступать с докладами и там, и там – но значительно позже – в 1918 и 1922 гг. соответственно. Могли они встретиться и в бердявской Вольной академии духовной культуры, которую Лосев стал посещать с легкой руки С.Л. Франка и где в 1922 г. на заседании «Трагедия и современность» выступали и С.Л. Франк, и Айхенвальд [Каган 1994, 4].

Помимо философских сообществ, у Лосева была возможность пересечься с Айхенвальдом или, по крайней мере, с членами его семейства в совсем неожиданном месте – в стенах частной мужской гимназии А.Е. Флерова, где будущий ученый, оставленный при кафедре для подготовки к профессорскому званию, подрабатывал преподаванием древних языков (с 16 августа 1915 по 1 августа 1916 г.). Именно здесь у него учились сын Айхенвальда Борис и сын крупного предпринимателя Вальтера Филипп, домашним воспитателем которого по рекомендации своего товарища

по университету Б.Л. Пастернака (и после него) стал Лосев [Тахо-Годи 2007^а, 56]. Интерес ли, унаследованный от отца, или влияние молодого преподавателя, но на лицо увлечение Бориса Айхенвальда философией, проявившееся в 1920-е гг. в стенах РАХН/ГАХН, где в это время активно трудился и его бывший гимназический учитель⁵.

Лосев стал членом РАХН 10 июня 1923 г. [Тахо-Годи, Римонди (публ.) 2019], то есть почти год спустя после изгнания оттуда Юлия Айхенвальда и его высылки из Советской России на «философском пароходе»: «Согласно распоряжению по РАХН № 61 “действительные члены Российской Академии Художественных наук Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Ю.И. Айхенвальд отчисляются от занимаемых должностей с 17 августа 1922 г.”» [Плотников, Подземская (ред.) 2017, 63]. Зато встречи с Борисом Айхенвальдом на заседаниях РАХН/ГАХН происходили регулярно – с 1925 по 1929 г. они побывали одновременно по меньшей мере на 20 заседаниях [Там же, 106, 146, 196, 264, 267, 383, 405, 513, 536, 541, 550, 561, 577, 601, 607, 776], в том числе на докладах друг друга: Борис был на двух докладах Лосева – «Философия символических форм у Кассирера» (15/16 ноября 1926 г.) [Там же, 733], «Система эстетических модификаций» (13 ноября 1928 г.)⁶, а Лосев присутствовал на двух докладах Бориса – «Структура словесного образа» (29 марта 1927 г.) [Там же, 482], «Пути кинематографа» (3 апреля 1928 г.) [Там же, 574]. Не исключено, что в те же 1920-е гг. Лосев мог встречать и дочь Айхенвальда Татьяну (1900–1963): как математик она входила в так называемую «Лузитанию»⁷ – кружок, сформировавшийся вокруг знаменитого представителя московской математической школы профессора Н.Н. Лузина, у которого училась жена Лосева – В.М. Соколова.

Слышал ли Юлий Айхенвальд от сына Бориса о его гимназическом учителе или нет, были ли в середине 1910-х гг. или позже личные контакты между отцом ученика и учителем – неизвестно, но для нас важнее то, что именно в это время появляется первый печатный отзыв о Лосеве в прессе и принадлежит он именно Айхенвальду. Хотя Лосев не единственный герой этой публикации, но отклик в газете «Утро России» 1916 г. примечателен тем, что попавшая в поле зрения критика публикация была для юного автора дебютной: это была его первая философско-музыкальная статья «Два мироощущения. (Из впечатлений после “Травиаты”», появившаяся в коллективном сборнике «Студенчество жертвам войны» [Лосев 1916]. До сих пор все библиографии работ о Лосеве начинались с 1924 г. – с сообщения о его докладе на музыкальной секции РАХН в «Печати и революции» (1924. № 2. С. 306), а первыми рецензиями считались публикации в 1927 г. Натальи Даддингтон (жившей в Англии дочери русского прозаика А.И. Эртеля) в «Journal of Philosophical Studies» [Алексей Федорович Лосев 2013]. Теперь в будущих лосевских библиографиях появление первого отзыва надо сдвинуть почти на десятилетие раньше. Кроме того, вышедшая 9 января 1916 г. рецензия Айхенвальда свидетельствует о том, что фактически книга была опубликована раньше – на исходе 1915 г.

Сборник включал в себя стихи, прозу, ноты, рисунки. Доход от его продажи предназначался в пользу раненых воинов. Редактор и автор предисловия к сборнику – приват-доцент Н.В. Самсонов полагал, что цель издания служит ему «лучшим оправданием». Однако Айхенвальд думал иначе: «независимо от филантропической цели сборника, необходима объективная оценка его сущности» [Айхенвальд 1916]. Извинения Н.В. Самсонова представлялись рецензенту излишними, потому что книга демонстрировала «известный уровень художественности и духовной силы» [Там же]. Правда, этот эстетический уровень он оценивал как средний. Но в «эстетической срединности» винил не самих студентов, а литературную моду с ее готовностью следовать без разбора за всеми направлениями – «от футуризма до акмеизма», – и сожалел, что личности молодых авторов, «их живые и субъективные физиономии заслонены какою-то не-личной талантливостью, чем-то общим, достигнутым уже в данную минуту литературы» [Там же].

Хотя в сборнике поэты потеснили «представителей “презренной прозы”», но именно в последней Айхенвальд увидел «интересные образцы»: «О критике» В. Рынτζюна

(«живо и остроумно написанный этюд»), статью «О войне, нации и праве» А. Белова, статью о Лермонтове «Вещие предчувствия» С. Елеонского⁸ и «хорошо задуманный и лишь несколько попорченный напыщенным посвящением очерк г. Лосева “Два мироощущения” (философия музыки, навеянная “Травиатой”)» [Айхенвальд 1916].

Таким образом, из трех десятков авторов сборника Лосев попал в число семерых (не считая редактора сборника Н.В. Самсонова), упомянутых в рецензии по имени. Упоминание это весьма лаконично и не апологетично: эстетический вкус рецензента покорило сделанное двадцатитрехлетним автором восторженное посвящение исполнявшей в «Травиате» партию Виолетты А.В. Неждановой: «Далекой и светлой звезде, дивным блеском искусства освещающей наш темный и трудный путь, чаровнице и вдохновительнице, артистке А.В. Неждановой посвящает автор свой скромный лавр в венок славы» [Лосев 1916, 105]. Однако витиеватое посвящение было не просто плодом юношеского восхищения, но вполне принципиальным философским жестом – продолжением соловьевской традиции Вечной Женственности, софийного света среди мрака земной жизни, излюбленного мотива соловьевской лирики. Софийный мотив станет вполне очевидным в лосевском «Очерке о музыке» (1920), где возникнет возвышенно-поэтический образ гениальной исполнительницы, воплощающей в себе мировую музыку. Из этого текста в середине 1920-х гг. Лосев выберет фрагмент и включит его в книгу 1927 г. «Музыка как предмет логики», озаглавив его «Музыкальный миф»⁹. Пусть зрелый Лосев максимально дистанцируется от этого текста, выдав за перевод безвестного немецкого автора и подчеркнув, что прежние юношеские восторги ему ныне абсолютно чужды, но эта литературная мистификация, использованная в сугубо философской книге, не преуменьшает реальное значение самого текста в лосевском творчестве. В «Музыка как предмет логики» этот текст выполняет роль отдельной вставной новеллы, вполне в духе музыкальных новелл В.Ф. Одоевского в романе «Русские ночи», столь нравившемся Лосеву [Тахо-Годи 2019]. Вместе с тем этот текст предваряет целую серию лосевских философско-музыкальных рассказов и повестей 1930-х гг. [Лосев 2002]: «Мне было девятнадцать лет», «Три Чайковского», «Встреча» и, конечно же, роман «Женщина-мыслитель», повествующий о трагической судьбе гениальной пианистки Радиной и одновременно о гибели Вечной Женственности, о падшей Софии, забывшей о своей небесной природе¹⁰.

О такой эволюции лосевского юношеского посвящения Айхенвальд при всей его художественной чуткости догадаться, конечно, никак не мог. Не угадал он, несмотря на свое преклонение перед философией Вл. Соловьева, и причастность посвящения соловьевской традиции. Хотя, как знать: памятуя о том, что именно поэтическое творчество Соловьева менее всего импонировало Айхенвальду («В исключительной одаренности Владимира Соловьева поэтический талант не является самой блестящей гранью» [Айхенвальд 1923, 104]), может быть, и угадал и потому не одобрил?

Зададимся еще одним гипотетическим вопросом: знал ли Лосев об айхенвальдовском отзыве 1916-го в «Утре России»? Скорее всего, знал, так как он был не единственным упомянутым в ней лицом. Но не появление этой рецензии предопределило на долгие годы лосевское неизменно положительное отношение к памяти критика: были на лицо и философско-эстетические схождения. Любопытно, что этим схождениям, возможно, содействовал и реальный посредник. Редактор сборника «Студенчество жертвам войны» Николай Васильевич Самсонов (1878–1921)¹¹, философ-неокантианец, знаток Платона¹² и переводчик Плотина, сначала приват-доцент, а затем и профессор кафедры философии историко-филологического факультета Московского университета, автор курса лекций «История эстетических учений» (Ч. 1–3. М., 1912–1913; Ч. 1–3. М., 1915), работы «Психология воли» [Самсонов 1922], один из любимых лосевских преподавателей, чей лекционный курс по эстетике, вероятно, во многом повлиял на особый интерес к этой проблематике молодого ученого¹³, в 1903 г., будучи студентом Московского университета, вместе с Айхенвальдом выпустил один из томов собрания сочинений Шопенгауэра [Шопенгауэр 1903], а в 1911/1912 гг. преподавал в народном университете А.Л. Шанявского [Программы лекций курсов web], где

в 1912–1917 гг. Айхенвальд был профессором по кафедре русской словесности. Нельзя исключить, что именно благодаря Самсонову Айхенвальд обратил внимание на студенческий сборник, как и то, что о появлении рецензии Самсонов мог сообщить своему бывшему слушателю Алексею Лосеву.

В 1918 г. мы находим имена Айхенвальда и Лосева (и замечу в скобках – еще трех участников сборника «Студенчество жертвам войны» – В. Рындзюна, В. Шершеневича и К. Большакова) на страницах анархистской газеты «Жизнь», с которой сотрудничали авторы, исповедовавшие политические убеждения, зачастую очень далекие от анархизма. Но важнее то, что одна из четырех лосевских публикаций в «Жизни» – «Русская философская литература в 1917–18 гг.» (№ 24), «Организация средней школы» (№ 42), «К столетию великой книги» (№ 48), «Кризис частной средней школы» (№ 59)¹⁴, а именно его статья в № 48, приуроченная к 100-летию выхода книги Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление», – позволяет нам указать на определенное схождение в 1910-е гг. интересов начинающего философа и известного литературного критика, чей переход в стан литераторов не истребил прежних пристрастий выпускника философского отделения историко-филологического факультета Новороссийского университета, опубликовавшего в 1890-е гг. десятки рецензий на сложнейшие философские тексты в журнале «Вопросы философии и психологии», где он служил секретарем редакции.

С.Л. Франк недаром указывал на присутствие в мирозерцании Айхенвальда шопенгауэровского пессимизма [Франк 1929, 125]. Шопенгауэр был одним из главных философских кумиров Айхенвальда. В 1896 г. он перевел с немецкого языка монографию о Шопенгауэре Куно Фишера [Фишер 1896], в 1898 г. напечатал этюд «Шопенгауэр о детях» в журнале «Вестник воспитания», а с 1900 по 1910 г. занимался изданием четырехтомного собрания сочинений Шопенгауэра, вышедшего под его редакцией (первый том был подарен Айхенвальдом философу, профессору Новороссийского университета, преподававшему логику и историю философии, главным образом древнегреческую – «Глубокоуважаемому учителю проф. Александру Павловичу Казанскому на добрую память» (см. описание этой книги в: [Империя web]).

Для этого издания Айхенвальд как раз и перевел основной шопенгауэровский труд «Мир как воля и представление» [Шопенгауэр 1901]. Сразу по его выходе в свет появились восторженные отзывы: «Сам великий стилист Шопенгауэр, столь ревниво оберегавший неприкосновенность своего слова, думается, не был бы в претензии на такой перевод, если бы только мог читать его и понимать» [Тихомиров 1900]. В отличие от Андрея Белого, презрительно оценивавшего этот перевод в 1930 г. в мемуарах «На рубеже двух столетий» («Наконец Шопенгауэр заинтересовал меня Фетом: я читал Шопенгауэра в переводе Фета (и потому ненавидел поздней перевод Айхенвальда)» [Белый Андрей 1931, 356]), С.Л. Франк, которому в данном случае как профессиональному философу можно поверить с большим основанием, чем поэту-символисту, явно не любившему Айхенвальда, писал: «...он (Айхенвальд. – Е.Т.-Г.) обогатил русскую философскую литературу прекрасным переводом полного собрания сочинений Шопенгауэра, заменившим старый, частичный и весьма неудовлетворительный перевод Фета» [Франк 1929, 125]. Конечно, прекрасно владевший немецким языком Лосев читал Шопенгауэра в оригинале, но в любом случае он не мог не знать, что сочинения любимого им мыслителя выходили в переводе и под редакцией именно Айхенвальда. Кстати, о Шопенгауэре он упоминал и в дебютной статье «Два мироощущения», замеченной Айхенвальдом.

Лосевским восхищением Шопенгауэром эти схождения не ограничиваются. Показательно упоминание об Айхенвальде в составленной Лосевым в 1919 г. для студентов Нижегородского университета программе курса по истории греческой литературы, где, казалось бы, вполне можно было обойтись без современного критика, об античности специально никогда не писавшего. Однако Лосева интересуют суждения Айхенвальда не о тех или иных конкретных авторах, но именно методология критика, в существование которой (или в правомерность которой) не верили многие айхенвальдовские

современники как из литературоведческого цеха (от С. Венгерова до Б. Эйхенбаума), так из литературного (А. Белый, Б. Садовской). Вот интересующий нас фрагмент:

I. Общая методология истории литературы. История литературы как наука. Основная проблема: всеобщность и обязательность суждений в истории литературы. Классификация с этой точки зрения методов истории литературы. Догматизм как методологическое учение о тождестве естественнонаучного и исторического познания. Натуралистический догматизм Тэна. Эволюционный догматизм Брюнетьера.

II. Общая методология (продолжение). Импрессионизм как методология истории литературы и основные его тезисы. Эстетический авангардизм в импрессионистической методологии Оскара Уайльда. Описательно-психологический импрессионизм Ю.И. Айхенвальда.

III. Критика догматизма и импрессионизма. Творческая индивидуальность как предмет художественной критики и пространственно-временной мир механической причинности как предмет науки в собственном смысле. Чистое понятие как точка зрения и место наблюдения в критике и истории литературы; и чистое понятие как характеристика предмета – в естественнонаучном мирозерцании. Истинная причина раскола между импрессионизмом и догматизмом – мирозерцательная. Примирение этих двух методов на почве соответствующего историко-философского мирозерцания [Лосев 2015, 1014].

Перед нами, с одной стороны, явное развитие положений из сделанного Лосевым в пору его преподавания в гимназиях (1916–1918) конспекта «Импрессионизм и догматизм в критике», где шла речь о Юлии Айхенвальде, Ипполите Тэне, Оскаре Уайльде, Анатоле Франсе, Жюле Лемэтре [Тахо-Годи 2007^a, 60]. Причем упоминание Лосевым Уайльда рядом с Айхенвальдом тут особо важно: это еще одна точка эстетических пересечений. Айхенвальд в теоретическом предисловии, написанном для третьего издания «Силуэтов русских писателей», подчеркивал близость своих воззрений к «эстетическим воззрениям автора “Замыслов”» [Айхенвальд 1911, VIII] и развивал идеи собственного очерка об Уайльде из книги «Этюды о западных писателях» [Айхенвальд 1910, 215–236]. Для молодого Лосева Уайльд не менее значим. Лосев увлеченно читает и цитирует его: в дневнике за 1914 г. присутствуют размышления о чтении романа «Портрет Дориана Грея», о беседах со своими ученицами об Уайльде; в работе «Строение художественного мироощущения» цитаты из Уайльда и Шопенгауэра следуют друг за другом [Лосев 2015, 576, 669, 927, 963], что вполне логично, учитывая возможное воздействие философии Шопенгауэра на эстетику самого Уайльда [Аствацатуров 2007; Whiteley 2015; Решетов, Валова 2018].

С другой стороны, перед нами один из этапов осмысления новейших эстетических теорий и выработки на их основе собственного оригинального эстетического учения, которое наиболее подробно молодым Лосевым разворачивается как раз в уже упомянутом выше «Очерке о музыке» 1920 г. Позволю себе привести достаточно объемную цитату из этого текста:

Неясности в современных спорах о методологии художественной критики происходят от недостатка углубленных психологических анализов. Если все существующие методы критики художественных произведений свести, с одной стороны, к догматизму, который рассматривает критику как науку естественную, напр. как ботанику, с ее объективными и всеобще-необходимыми суждениями, обязательными для всех и каждого, и, с другой стороны, – к импрессионизму, который признает только субъективную реакцию критика на данное произведение и полную свободу в такой субъективности, то моя методология не может быть названа ни догматической, ни импрессионистической, или, лучше сказать, она примиряет эти две постоянно враждующие точки зрения. С догматизмом я схожусь в том, что признаю объективным и всеобще-необходимым установление основных точек зрения, с которых должно рассматриваться вообще произведение музыки. Эти общие точки зрения – образец построения которых дан был мною выше, в конструкции трех универсальных

принципов, – объединяют самые разнообразные произведения, не лишая их конкретной индивидуальности и не уничтожая, а, наоборот, предполагая еще иное, более цельное и непосредственно-адекватное изображение, именно, мифологическое. Они являются условием научно-психологической систематизации музыкального материала. С этой стороны предлагаемая методология совершенно научна, насквозь эмпирична и, наконец, как и всякая научная методология, отвлеченно-систематична. Ведь физик тоже не рисует всех местных деталей изучаемого явления, но дает отвлеченный закон, одинаковый для всех явлений этого рода.

Однако ясно и расхождение с догматизмом: догматизм антипсихологичен. Если мы возьмем существующее построение теории гармонии, то перед нами будет чисто догматическая концепция, т.е. психологически безоценочная, базирующаяся исключительно на анализе внешних форм аккордов и их сочетаний. Наша методология исследует каждую такую форму психологически – с точки зрения хотя бы трех вышевыведенных принципов, – затем анализирует функцию ее у главных композиторов и потом формулирует ее отвлеченно-историческое значение. Это и есть конструктивно-психологическая система научной теории гармонии. Так же и другие теоретические дисциплины о музыке.

Но ясно тут же и сходство нашей методологии с импрессионизмом. Ведь утверждаемая нами конструктивно-психологическая наука разрезывает музыкальные произведения в разных направлениях, как это и должна делать наука – давая полную картину каждого формального элемента музыки и не давая картины индивидуального произведения и данного композитора как известной творческой индивидуальности. Но именно здесь-то и выясняется необходимость еще иного отношения к музыкальному произведению, – отношения, которое дало бы непосредственную и конкретную его картину. Здесь и начинается бесконечное поле деятельности для импрессиониста – с его художественными приемами и субъективными картинами и оценками, при одном условии – и тут со многими импрессионистами я разойдусь: форма мифологизации и художественно-творческого воссоздания данного музыкального произведения в критике (именно форма, а не содержание, как это было разъяснено выше) является предопределенной со стороны структуры произведения и потому всеобщей-необходимой и обязательной [Лосев 2015, 685–687].

Итак, выстраивая в 1920 г. свою философию музыки, Лосев вычленяет ее составляющие: 1) феноменология музыки, 2) психология музыки, 3) музыкальная эстетика, 4) «музыкальная критика, импрессионистически и мифологически дающая картину каждого конкретного произведения и композитора» [Лосев 2015, 687]. Как очевидно, «...в последнем пункте речь идет о герменевтике – о толковании смысла музыки. Мифология и наука говорят об этом смысле, но с разных позиций: мифология вступает там, где наука (рацио, логос) бессильна» [Takho-Godi, Zenkin in print].

Однако в контексте нашей темы важнее указать на то, что пока ускользало от внимания исследователей лосевского творчества: Лосев выстраивает собственное учение о музыкальной эстетике в целом и о музыкальной критике в частности, основываясь и одновременно отталкиваясь от суждений современного ему французского эстетика, ставшего в дальнейшем профессором Сорбонны, Шарля Лало (1877–1953), выраженных им в книге 1912 г. «Introduction à l'esthétique». В 1915 г. книга Лало «Введение в эстетику» вышла в русском переводе под редакцией и с предисловием не кого иного, как Н.В. Самсонова [Лало 1915]¹⁵.

Это подготовленное Н.В. Самсоновым издание могло особо заинтересовать молодого человека, прежде всего тем, что Лало, вполне в духе эпохи, породившей формализм и социологизм, хотел превратить эстетику в строгую науку. Недаром он утверждал: «Философия художественной критики во всяком случае представляет собою, если перефразировать заглавие известного труда Канта, пролегомены ко всякой будущей эстетике, которая возможна в качестве научной системы» [Там же, 38]. О лосевской ориентации на книгу Лало говорят и фигурирующие в программе курса по истории греческой литературы имена Тэна и Брюнетьера, вынесенные французским

автором в оглавление третьей части («Глава вторая. Роль ценности в натуралистической эстетике Тэна» [Там же, 127–132]) и четвертой части («Глава вторая. I. Натуралистический догматизм Тэна», II. Эволюционный догматизм Брюнетьера и современный научный дух» [Там же, 182–217]), и стремление создать философию музыкальной критики (ср. тезис, открывающий Предисловие Лало, озаглавленное «Эстетика как философия художественной критики»: «Философия художественной критики должна быть прежде всего попыткой сближения трех дисциплин: художественной критики, истории искусства и философской эстетики» [Там же, XI]), и сама попытка определить свое отношение к «догматизму» и «импрессионизму» и найти способ преодоления их размежевания. Лало задавался вопросами: «...раз допущено, что художественные ценности действительно существуют, то каковы эти ценности: индивидуальны они и субъективны или же безличны и объективны? Являются ли они лишь личными мнениями, всецело зависящими от чувственного восприятия, меняющимися вместе с человеком или даже у одного лица вместе с данным моментом, или же они могут быть продуманными, беспристрастными? Являются ли они коллективными, подлежащими обобщению, подобно тому, как большинство научных законов имеет на практике общий характер? Есть ли эстетика – наука об искусстве, по крайней мере в принципе, или же она представляет собою лишь художественное произведение об искусстве? Такова проблема импрессионизма и догматизма» [Там же, 37]. Ответом на эти вопросы служила четвертая часть его труда – «Импрессионизм и догматизм».

Кратко резюмируя в финале книги выводы своего исследования, Шарль Лало говорил о том, что в наступившем XX столетии эстетика не может оставаться на прежних основаниях импрессионизма или догматизма, иначе импрессионизм превратится в догматизм, а догматизм – в пережиток традиционализма. Новая «абсолютная» эстетика должна преодолеть их и учесть все сферы человеческого творчества, что невозможно без социологии. Вот почему для создания подлинной эстетики нужно сотворчество и историков, и современных критиков – и импрессионистов, и догматиков, и современных эстетиков с твердой методологией.

Как очевидно, Лосеву оказалась чрезвычайно близка предложенная Лало стратегия построения эстетики как строгой науки, учитывающей новейшие достижения разных научных дисциплин, занятых изучением человеческого жизнетворчества. Но он отнюдь не копирует идеи французского эстетика (подробное сопоставление ранних лосевских текстов и книги Лало оставляем для специалистов по эстетике), а перестраивает их со своих позиций. И вот тут опыт современного литературного критика, восставшего против строгой науки эстетики, если эту эстетику хотят создать «по образу и подобию естествознания» («Известно, какая заманчивая попытка связана с именами Тэна и Брюнетьера» [Айхенвальд 1911, III]), – опыт импрессионистской критики Айхенвальда, которую сам критик называл «имманентным методом», а Лосев в своей программе по истории греческой литературы определял как «описательно-психологический импрессионизм», оказывался для молодого эстетика, прошедшего через школу гуссерлианской феноменологии, чрезвычайно интересным и плодотворным. Плодотворным потому, что в итоге у Лосева, постепенно и последовательно, эстетическая критика, импрессионистически «дающая картину каждого конкретного произведения и композитора» перерастает в нечто большее – в мифологическую картину. В 1920-е гг. в лосевском наследии «мифология» и «строгая философия» взаимодействуют сложно и разнообразно, порождая разные типы дискурса – то научно-отстраненный, то мифологический, данный «изнутри», «описательно-психологический».

Можно было бы счесть такой подход в 1920-е гг. данью прежним увлечениям, еще не выветрившимся под напором революционных вихрей, если бы не пассаж в значительно более позднем и принципиально важном для Лосева тексте, написанном им в 1940–1941 гг. в связи с надеждами получить докторскую степень.

История этой защиты, подготовлявшейся при поддержке академика А.И. Белецкого, подробно изложена в лосевской биографии [Тахо-Годи 2007^a, 214–219]. Защита сорвалась и, судя по письмам А.И. Белецкого, одной из главных причин ее срыва было

«неправильное» выступление подзащитного: вместо того, чтобы отмежеваться от прежних воззрений, Лосев не только не отрекся от них, но начал говорить о закономерности эволюции своих взглядов (текст этого «злополучного» выступления сохранился в лосевском архиве и готовится мною к публикации). Приведу один фрагмент выступления, имеющий самое непосредственное отношение к нашей теме, хотя имени Айхенвальда Лосев в нем не упоминает. Характеризуя собственную книгу 1930 г. «Очерки античного символизма и мифологии», Алексей Федорович подчеркивал, что в ней уже проводится социологический анализ, хотя «еще с позиций полу-идеалистических, полу-эклектических, отчасти же с позиций свободного импрессионистического отношения к большим писателям древности». «Писателем древности» Лосев называет Платона, а вот под «свободным импрессионистическим отношением» он, несомненно, подразумевает свой «мифолого-физиогномический» метод, дающий картину конкретного произведения и мироощущения, в котором учтен и опыт имманентного, описательно-психологического импрессионизма Айхенвальда.

Лосева могла привлекать не только методология Айхенвальда, но и свойственный его литературно-критическим «силуэтам» афористичный стиль. Философ и сам любил сводить всю сложную систему доказательств к одному предложению, к кратчайшей формуле. Судя по всему, один афоризм из Предисловия к «Силуэтам русских писателей» ему не просто запомнился, но стал принципиальным в методологическом отношении. Я имею в виду айхенвальдовские слова о том, что «всякая эпоха – переходная». Айхенвальд писал: «То слишком общее слово эпоха или время, которое... употребляют и которым злоупотребляют, не может облекать собою какого-нибудь точного и определенного понятия. Возникает искушение гипостазировать такие идеи, как столетие, десятилетие, дух времени, переходная эпоха (*хотя всякая эпоха – переходная*) (курсив мой. – Е.Т-Г.); оперируют ими, как величинами, которые будто бы известны и понятны. Между тем кто отважится сказать, что он действительно постиг дух какого бы то ни было времени, что он остался при этом на должной высоте объективности и не внес в свое определение, в свою характеристику данного периода, ничего субъективного? Охватить в исчерпывающем синтезе время, дать имя эпохе – это никому не под силу; во всяком случае, это – дело интуиции, а не науки: это само – творчество» [Айхенвальд 1911, V–VI].

Идея переходности эпох – одна из базовых идей лосевской эстетики: «Важное значение приобретают в “Истории античной эстетики” переходы от одной эпохи к другой. *Это особенно подчеркивается автором, который любил повторять, что переходных эпох не бывает* (курсив мой. – Е.Т-Г.). Исторические введения, заключения, резюме, экскурсы обязательны в каждом томе ИАЭ. Но здесь эти переходы происходят в пределах античной культуры в то время, как в томе VIII, кн. 1 уже намечается переход, хотя формально и в рамках античности, но, по существу, уже в другой, христианский мир. Здесь не только переход от Афинского неоплатонизма к Александрийскому, повторяющийся переход от Платона к Аристотелю, но и зарождение в недрах неоплатонизма нового христианского самочувствия, как, например, в сочинениях Синезия, где уже ставится тринитарная проблема, или у Немезия с обращением к личности, а не к безликой судьбе» [Тахо-Годи 2007^а, 409]. В подтверждение принципиальности этого положения для лосевской эстетики приведем два примера. В «Истории античной эстетики» («Итоги тысячелетнего развития») Лосев пишет:

Ведь здесь надо учитывать специфику всякой переходной эпохи. Всегда и везде было много старого и было много нового. Указать старые и новые элементы в ту эпоху, которая квалифицируется как переходная, это еще очень мало для характеристики переходности. Нам представляется, что наряду с наличием старого и нового в той или иной переходной эпохе должны быть указаны еще и такие элементы, которые сразу и одновременно являются и новыми, и старыми. Переходность не есть безличие, но всегда имеет свою оригинальную специфику. А иначе вся история распадается только на перечисление старого и нового и не будет видно, в чем же специфика данного переходного периода. *Ведь в истории все периоды переходные, и никакая*

эпоха не стоит на месте (курсив мой. – Е.Т-Г.). И если переходный период мы не сумеем охарактеризовать специфически, как некое тоже индивидуальное и тоже неповторимое явление, то вся история так и рассыплется на элементы, ничем между собой не связанные. Поэтому, характеризуя творчество Бозция как переходную эпоху и, в частности, как переходную между язычеством и христианством, мы обязаны указать и такой элемент в его творчестве, чтобы он уже не дробился на старое и новое, а был определенным специфическим своеобразием [Лосев 2000, 253].

То же в «Эстетике Возрождения»:

Итак, эстетика Ренессанса таила в себе глубочайшие противоречия. Но не только потому, что Ренессанс был переходной эпохой. *В реальной истории (а не в уме абстрактных доктринеров) только и существуют переходные эпохи, и никаких непрерывных эпох мы вообще не знаем* [Лосев 2017, 60. Курсив мой. – Е.Т-Г.].

У Айхенвальда как знатока русской литературы афоризм мог восходить к строкам «Но со времен царя гороха / Непереходных нет эпох» из сатирического стихотворения П.А. Вяземского «Идут ли впрок дела, иль плохо...». В лосевском сознании он зафиксировался непосредственно из самого Айхенвальда, потому что совпал с собственным вектором исканий: описание духа эпохи, стиля культуры, культурного типа, его «физиогномики». Тут учитывался не только феноменологический гуссерлианский подход, а затем шпенглеровская морфология культур, но и айхенвальдовская эстетика, теоретически обоснованная именно в Предисловии к «Силуэтам русских писателей». Ведь одна из задач этого Предисловия – попытка дать возможную типологию русской литературы: «...в высшей степени знаменательно, что именно пристальное изучение писательских индивидуальностей, анализ личностей, совершенно без усилий, просто и безыскусственно, раскрывает некоторую между ними, и очень значительную, общность. Чтобы прийти к общему, надо отправляться от личного. Чем более углубляешься в замкнутые миры наших писателей, в эти живые монады, тем яснее становится, что они – не только литераторы, но и литература; что есть известные проблемы, сюжеты и мотивы, которые объединяют их в одно целое; что наша словесность, рассматриваемая как бы в разрезе, обнаруживает явственные линии духовных преемственности» [Айхенвальд 1911, XXVI].

Как представляется, усвоению афоризма Айхенвальда содействовало особое внимание Лосева к тому, кого он считал не более и не менее, как одним из «великих русских критиков XX-го века». О таком отношении свидетельствует рассказ Ю.М. Каган, лосевской ученицы по МГПИ, дочери его близкого друга философа М.И. Кагана. В начале 1990-х гг. Ю.М. Каган вспоминала о весне 1955-го: «Фамилию Айхенвальд... я услышала от моего учителя, прославленного теперь философа Алексея Федоровича Лосева. В горестной беседе о погубленной русской культуре он пылко сказал мне, что знал двух великих русских критиков XX-го века: “Это были два еврея! Гершензон и Айхенвальд!” <...> Тогда же и дал мне А.Ф. Лосев том [«Силуэтов русских писателей»] со статьей о Белинском» [Каган 1994, 3–4].

Имена Айхенвальда и Гершензона возникнут рядом и в разговоре с В.В. Бибихиным 30 мая 1975 г.: «Есть критика, которая *оценивает* текст с точки зрения исторического момента, вкуса и так далее. Это свой жанр, как у Айхенвальда, Гершензона, жанр литературно-критической статьи» [Бибихин 2004, 238]. К чтению айхенвальдовских литературно-критических статей Лосев призывал и свое самое близкое окружение. М.А. Тахо-Годи, создавая вместе с Лосевым книгу об эстетике природы у Р. Роллана, обращалась не только к «Силуэтам русских писателей», но и к статье Айхенвальда о роллановском романе «Жан-Кристоф» (этот текст был включен как приложение в издание книги [Лосев, Тахо-Годи 2006]). А.А. Тахо-Годи вспоминала: «И меня научил А.Ф., как и других своих учеников, прислушиваться к мнениям Ю.И. Айхенвальда» [Тахо-Годи А.А. 2007, 18].

К этим свидетельствам могу присоединить и свое личное воспоминание. Студенткой первых курсов (вероятно, это был 1986 г.) я под влиянием Лосева тоже открыла

в читальном зале Ленинской библиотеки айхенвальдовские «Силуэты русских писателей», но чтение их меня не вдохновило и потому рекомендация удивила – никаких фактов, какая-то пустая эссеистика. Только по прошествии многих лет мне стало более понятно, что же мог увидеть в этих текстах литературного критика, еще в начале XX столетия «на словах» отрекшегося от философии, историк эстетики, от философии никогда не отрекавшийся.

Примечания

¹ Правда, в РГАЛИ, в архиве Союза писателей СССР, куда Лосев был принят в начале 1980-х гг., он числится именно как «литературный критик»: Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 3465. 51 л.

² Впервые эта тема была поднята В.Н. Ждановым, ныне профессором университета Саппоро, в докладе на Всесоюзной теоретической конференции «Проблемы мировой и отечественной культуры в творчестве А.Ф. Лосева», проходившей в Ростове-на-Дону 9–12 октября 1989 г., но текст выступления «Литературно-критический метод Ю. Айхенвальда и теория символа А.Ф. Лосева» не был опубликован, см.: [Тахо-Годи 2007^а, 365; Малинаускене 2009].

³ В своих незавершенных мемуарах «Дай оглянись...», печатавшихся в 1923–1924 гг. в рижской газете «Сегодня», Айхенвальд вспоминал о встречах с Вл. Соловьевым (републикацию главки «Чехов и Соловьев» см. в статье: [Тахо-Годи 2020]).

⁴ Имя Айхенвальда среди посетителей РФО упоминает в лосевской биографии А.А. Тахо-Годи [Тахо-Годи 2007^а, 45], вероятно, основываясь на каких-то устных лосевских воспоминаниях.

⁵ Б.Ю. Айхенвальд (1902–1938) окончил в 1922 г. философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. В 1922–1923 состоял научным сотрудником Института научной философии. В марте 1926 г. стал внештатным научным сотрудником философского отделения ГАХН, входил в Комиссии по составлению Словаря эстетической терминологии и Отделения Общего искусствоведения. Арестован в апреле 1937 г., умер в лагере на Дальнем Востоке. Подробнее о нем см.: в Российской еврейской энциклопедии [Айхенвальд web].

⁶ Датировка доклада в летописях ГАХН разнится на год – 13 ноября 1928 г. или 13 ноября 1929 г. [Плотников, Подземская (ред.) 2017, 123].

⁷ «Само слово “Лузитания” возникло осенью 1920 г., когда Н.Н. Лузин перенес свою главную деятельность из Иваново-Вознесенска в Москву. Он оказался окруженным группой горячих поклонников и еще более горячих поклонниц из числа студентов. Иногда говорили: “Орден Лузитания”, и тогда Н.Н. Лузина называли «командором ордена». Позже, когда Лузитания начала расширяться, появился термин «совершенное ядро» (poуau parfait) Лузитании, куда вошли те, которые первыми поверили в Лузина – В.В. Степанов, П.С. Александров, В.Н. Вениаминов, П.С. Урысон и четыре студентки – Н.К. Бари, Ю.А. Рожанская, Б.И. Певзнер и Т.Ю. Айхенвальд (Татьяна Юльевна – “Татуля”» [Люстерник 1967, 151].

⁸ Сергей Федорович Елеонский (1891–1960), ученик профессора М.Н. Сперанского, как и Лосев в 1915 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал в Нижегородском университете (1918–1923), а затем в Москве. Занимался русской литературой XVIII – нач. XIX в., в том числе ее связями с фольклором.

⁹ Об истории трансформации этого текста см.: [Тахо-Годи 2015].

¹⁰ О лосевской философско-музыкальной прозе см.: [Тахо-Годи 2007^б; Римонди 2019].

¹¹ См. о Н.В. Самсонове в некрологе, написанном Г.Г. Шпетом [Шпет 1921].

¹² Перевод диалога Платона «Филеб», сделанный Н.В. Самсоновым, помещен в вышедшем под редакцией Лосева собрании сочинений философа [Платон 1994].

¹³ О преемственности читавшегося в Московской консерватории Лосевым курсом по эстетике см.: [Кузьмин 2015] (в публикации вводится точная дата рождения Самсонова, но ошибочно указан год смерти). Во второй половине 1930-х гг. Лосев задумывает написать книгу «История эстетических учений», точно воспроизведя название работы своего бывшего преподавателя: в 1913 и 1915 г. Самсонов выпустил под таким названием курс лекций, читавшийся на Высших женских курсах в 1912/1913 и 1914/1915 учебных годах.

¹⁴ Тексты републикованы мною: [Тахо-Годи 2014, 181–191; Тахо-Годи 2018].

¹⁵ Ныне книга переиздана без предисловия Н.В. Самсонова, правда, он упоминается во вступительной статье, но почему-то фигурирует в ней не как редактор книги, а как ее переводчик (см.: [Лало 2018]).

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

- Айхенвальд 1910 – *Айхенвальд Ю.И.* Этюды о западных писателях. М.: Научное слово, 1910 (Aykhenwald, July I. (1910) *Etudes about Western Writers*, in Russian).
- Айхенвальд 1911 – *Айхенвальд Ю.И.* Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей» (вып. 1). Оттиск. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерова и К°, 1911 (Aykhenwald, July I. (1911) *Preface to the Third Edition of the Book "Silhouettes of Russian Writers"*, in Russian).
- Айхенвальд 1916 – *Айхенвальд Ю.И.* Новые книги. Студенчество жертвам войны. М. 1916 // Утро России. 1916. № 9, 9 янв. С. 5 (Aykhenwald, July I. (1916) *New Books. Students to Victims of War*, in Russian).
- Айхенвальд 1923 – *Айхенвальд Ю.И.* Владимир Соловьев (Его стихотворения) // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. Т. 3: Новейшая литература. 4-е изд., перераб. Берлин: Слово, 1923. С. 104–106 (Aykhenwald, July I. (1923) *Vladimir Solovuyov (His Poems)*, in Russian).
- Андрей Белый 1931 – *Андрей Белый.* На рубеже двух столетий. 2-е изд. М.; Л.: Земля и Фабрика, 1931 (Andrei Bely (1931) *At the Border of Two Centuries*, in Russian).
- Лало 1915 – *Лало Ш.* Введение в эстетику / Авториз. пер. с фр. С. Гельфгата; под. ред. и с предисл. Н.В. Самсонова. М., 1915 (Lalo, Charles (1912) *Introduction à l'esthétique*, Russian Translation 1915).
- Лало 2018 – *Лало Ш.* Введение в эстетику / Пер. с фр. С. Гельфгата; вступ. ст. А.В. Маркова. М.: РИПОЛ классик, 2018. (Lalo, Charles (1912) *Introduction à l'esthétique*, Russian Translation 2018).
- Лосев 1916 – *Лосев А.Ф.* Два мироощущения (Из впечатлений после «Травиаты») // Студенчество жертвам войны / Под ред. Ф.Г. де Ла-Барта, Н.В. Самсонова. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1916. С. 105–121 (Losev, Aleksei F. (1916) *The Two World Perceptions (From Impressions after "La Traviata")*, in Russian).
- Лосев 2000 – *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. I. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000 (Losev, Aleksei F. (2000) *The History of Classical Aesthetics*, in Russian).
- Лосев 2002 – *Лосев А.Ф.* «Я сослан в XX век...». Т. 2. М.: Время, 2002 (Losev, Aleksei F. (2002) *"I am Exiled to the XXth Century..."*, in Russian).
- Лосев 2015 – *Лосев А.Ф.* На рубеже эпох: Работы 1910-х – начала 1920-х годов. М.: Прогресс-Традиция, 2015 (Losev, Aleksei F. (2015) *At the Border of Epochs: Works of 1910's – beginning of 1920's*, in Russian).
- Лосев 2017 – *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Академический проект: Культура, 2017 (Losev, Aleksei F. (2017) *The Renaissance Aesthetic*, in Russian).
- Лосев, Тахо-Годи 2006 – *Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А.* Эстетика природы. Природа и ее стилевые функции у Р. Роллана. М.: Наука, 2006 (Losev, Aleksei F., Takho-Godi, Muminat A. (2006) *Aesthetics of Nature. Nature and its Stylistic Functions in R. Rolland*, in Russian).
- Платон 1994 – *Платон.* Собр. соч. В 4 т. / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Т. 3. М.: Мысль, 1994 (Plato *Collected Works*, Russian Translation 1994).
- Самсонов 1922 – *Самсонов Н.В.* Психология воли. М.: Русский книжник, 1922 [Samsonov, Nikolai V. (1922) *The Psychology of Will*, in Russian).
- Фишер 1896 – *Фишер К.* Артур Шопенгауэр / Пер. Ю.И. Айхенвальда, С.Н. Грум-Гржимайло, И.Д. Городецкого; под ред. В.П. Преображенского. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1896 (Fischer, Kuno, *Arthur Schopenhauer*, Russian Translation 1896).
- Франк 1929 – *Франк С.Л.* Памяти Ю.И. Айхенвальда // Путь (Париж). 1929. № 15. С. 125–126. (Frank, Semyon L. (1929) *In Memory of Yu.I. Aykhenwald*, in Russian).
- Шопенгауэр 1901 – *Шопенгауэр А.* Полн. собр. соч. Артура Шопенгауэра / В пер. и под ред. Ю.И. Айхенвальда. [В 4 т.]. Т. II: «Мир как воля и представление» / Пер. Ю.И. Айхенвальда. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1901 (Schopenhauer, Arthur, *Collected Works*, Russian Translation 1901).
- Шопенгауэр 1903 – *Шопенгауэр А.* Полн. собр. соч. / В пер. и под ред. Ю.И. Айхенвальда. [В 4 т.]. Т. III: «О воле в природе» / Пер. Н.В. Самсонова под ред. Ю.И. Айхенвальда. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1903 (Schopenhauer, Arthur, *Collected Works*, Russian Translation 1903).
- Шпет 1921 – *Шпет Г.Г.* Николай Васильевич Самсонов. Некролог // Культура театра. 1921. № 7–8. С. 70 (Shpet, Gustav G. (1921) *Nikolai Vasilyevich Samsonov. Obituary*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

- Айхенвальд web – Айхенвальд Борис Юльевич // Российская еврейская энциклопедия. URL: https://www.rujen.ru/index.php/АЙХЕНВАЛЬД_Борис_Юльевич.
- Алексей Федорович Лосев 2013 – Алексей Федорович Лосев: Биобиблиографический указатель: к 120-летию со дня рождения / Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко; отв. за вып. В.В. Ильина / Ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий / Спецвыпуск Бюллетеня Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» (Вып. 17). М.: Дизайн и полиграфия, 2013.
- Аствацатуров 2007 – *Аствацатуров А.* Феноменология текста: игра и репрессия. М.: НЛО, 2007.
- Бибихин 2004 – *Бибихин В.В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2004.
- Ермишин 2011 – *Ермишин О.Т.* Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева: хроника русской духовной жизни // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 210–267.
- Империя web – Империя. Акционерный дом. URL: <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=18421>
- Плотников, Подземская (ред.) 2017 – Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Т. II. Публикации / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Каган 1994 – *Каган Ю.М.* Об этой книге и ее авторе // *Айхенвальд Ю.* Стихи и поэмы разных лет. М.: Науч. центр «Мемориал», 1994. С. 3–4.
- Кузьмин 2015 – *Кузьмин Р.Ю.* Дело Лосева. Предисловие к публикации // Научный вестник Московской консерватории. 2015. № 4. С. 45–46.
- Люстерник 1967 – *Люстерник Л.А.* Молодость Московской математической школы // Успехи математических наук. 1967. Т. 22. Вып. 4 (136). С. 147–185.
- Малинаускене 2009 – *Малинаускене Н.К.* Из истории «Лосевских чтений» (о конференции «Проблемы мировой и отечественной культуры в творчестве А.Ф. Лосева», Ростов-на-Дону, 9–12 октября 1989 г.) // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». М.: Водолей, 2009. С. 95–101.
- Программы лекций курсов web – Программы лекций курсов по общественно-философской группе за 1911–1912 академический год. URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Shanjavskij12.html>
- Решетов, Валова 2018 – *Решетов В.Г., Валова О.М.* Теоретические основы «философии нереального» Оскара Уайльда и парадокс как средство ее воплощения // Иностранные языки в высшей школе. 2018. № 4 (47). С. 67–77.
- Римонди 2019 – *Римонди Дж.* Философские и мировоззренческие основы художественной прозы А.Ф. Лосева. М.: Водолей, 2019.
- Ростовцев 1998 – *Ростовцев Ю.А.* Меня воспитал театр! // Персона. 1998. № 2. С. 12–15.
- Тахо-Годи 2007^a – *Тахо-Годи А.А.* Лосев. 2-е изд., испр, доп. М.: Молодая гвардия, 2007 (Серия «Жизнь замечательных людей»).
- Тахо-Годи 2007^b – *Тахо-Годи Е.А.* Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М.: Большая российская энциклопедия, 2007.
- Тахо-Годи 2013 – *Тахо-Годи Е.А.* А.Ф. Лосев и С.Л. Франк: к истории взаимоотношений // Творчество А.Ф. Лосева в контексте отечественной и европейской культурной традиции: К 120-летию со дня рождения и 25-летию со дня смерти / Материалы Международной научной конференции XIV «Лосевские чтения». В 2 ч. / Под общ. науч. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи; сост. Е.А. Тахо-Годи. Ч. II. М.: Дизайн и полиграфия, 2013. С. 73–87.
- Тахо-Годи 2014 – *Тахо-Годи Е.А.* Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М.: Модест Колеров, 2014 (Серия «Исследования по истории русской мысли». Т. 17).
- Тахо-Годи 2015 – *Тахо-Годи Е.А.* «Очерк о музыке» А.Ф. Лосева – исчезнувший и обретенный текст // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 138–145.
- Тахо-Годи 2018 – *Тахо-Годи Е.А.* А.Ф. Лосев: между публицистикой и социальной эпистемологией // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 140–149.
- Тахо-Годи 2019 – *Тахо-Годи Е.А.* О восприятии творчества В.Ф. Одоевского А.Ф. Лосевым: явное и потаенное // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 394–410 (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 3).
- Тахо-Годи, Римонди (публ.) (2019) – Личное дело А.Ф. Лосева в архиве ГАХН: материалы к биографии мыслителя / Публ. Е.А. Тахо-Годи при участии Дж. Римонди // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 3. С. 151–173.

Тахо-Годи 2020 – Тахо-Годи Е.А. Философский фон литературной критики: случай Ю. Айхенвальда // Писатели и критики первой половины XX века: предшественники, последователи (незабытые и забытые имена). М., 2020 (в печати).

Тихомиров 1900 – Тихомиров П.В. Шопенгауэр в переводе Ю.И. Айхенвальда. [Рец. на:] Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. / Пер. и ред. Ю.И. Айхенвальд. Изд. м-на Книжное дело. М., 1900. Вып. 1–2 // Богословский вестник 1900. Т. 3. № 12. С. 716–724 (2-я пагин.).

References

Alexey Fedorovich Losev: *Biobibliographic Index: To the 120th Anniversary of his Birth* (2013), Dizayn i poligrafiya, Moscow (in Russian).

Astvatsaturov, Andrei A. (2007) *Phenomenology of the Text: Game and Repression*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow (in Russian).

Aykhenwald web, “July Borisovtch Aykhenwald”, *Rossiiskaia evreiskaia entsiklopediia*, www.rujen.ru/index.php/АЙХЕНВАЛЬД Борис Юльевич (in Russian).

Bibikhin, Vladimir V. (2004) *Alexey Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev*, Institut filosofii, teologii i istorii Sv. Fomy, Moscow (in Russian).

Ermishin, Oleg T. (2011) “Moscow Religious-philosophical Society in Memory of Vl. Solovyov: a Chronicle of Russian Spiritual Life”, *Literaturovedcheskiy zhurnal*, Vol. 28 (2011), pp. 210–267 (in Russian).

Imperia, Joint Stock House web, <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=18421> (in Russian).

Plotnikov, Nikolai S., Podzemskaja, Nadezhda P. (eds.) (2017) *Art as a Language – the Language of Art. The State Academy of Arts and Aesthetic Theory of the 1920s, Vol. II: Publications*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow (in Russian).

Kagan, Yudif M. (1994) “About this Book and its Author”, *Aykhenwald, Yuri A. Lyrics and Poems of different years*, Scientific Center “Memorial”, Moscow, pp. 3–4 (in Russian).

Kuzmin, Roman Yu. (2015) “Losev’s File. Preface to the Publication”, *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii*, Vol. 4 (2015), pp. 45–46 (in Russian).

Liusternik, Lazar A. (1967) “Youth of the Moscow Mathematical School”, *Uspekhi matematicheskikh nauk*, Vol. (1967), 22, Iss. 4 (136), pp. 147–185 (in Russian).

Malinauskene, Nadezhda K. (2009) “From the History of ‘Losev readings’ (about the Conference ‘Problems of World and Nation Culture in A.F. Losev’s Work’, Rostov-on-Don, October 9–12, 1989)”, *Byulleten’ Biblioteki “Dom A.F. Loseva”*, Vodolei, Moscow, pp. 95–101 (in Russian).

Lecture Programs for Courses on the Socio-philosophical Group for the Academic Year 1911–1912, <http://crecleco.seriot.ch/textes/Shanjavskij12.html> (in Russian).

Reshetov, Vladimir G., Valova Olga M. (2018) “Theoretical Basis for Oscar Wilde’s ‘Philosophy of the Unreal’ and Paradox as a Means of its Manifestation”, *Foreign Languages at High School*, Vol. 4 (47), pp. 67–77 (in Russian).

Rimondi, Giorgia (2019) *Philosophical and Worldview Foundations of A.F. Losev’s fiction*, Vodolei, Moscow (in Russian).

Rostovtsev, Yurii A. (1998) “I was raised by the theater!”, *Persona*, Vol. 2, pp. 12–15 (in Russian).

Takho-Godi, Aza A. (2007) *Losev, Molodaia gvardiia*, Moscow (in Russian).

Takho-Godi, Elena A. (2007) “The artistic world of A.F. Losev’s fiction”, *Bolshaja Rossijskaja entsiklopediia*, Moscow (in Russian).

Takho-Godi, Elena A. (2013) “A.F. Losev and S.L. Frank: on the history of relationships”, *A.F. Losev’s Creativity in the Context of Nation and European Cultural Tradition: On the 120th Anniversary of the Birth and 25th Death Anniversary / Materials of the International scientific conference XIV “Losev readings”*, in 2 vol., Takho-Godi, Aza A. Takho-Godi, Elena A. (eds.), Part II, Dizayn i poligrafiya, Moscow, pp. 73–87 (in Russian).

Takho-Godi, Elena A. (2014) *Aleksei Losev in the era of the Russian revolution: 1917–1919*, Modest Kolerov, Moscow (in Russian).

Takho-Godi, Elena A. (2015) “A.F. Losev’s ‘The Essay on Music’ – the Disappeared and Found Text”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9, pp. 138–145 (in Russian).

Takho-Godi, Elena A. (2018) “A.F. Losev: Between Political Journalism and Social Epistemology”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10, pp. 140–149 (in Russian).

Takho-Godi, Elena A. (2019) “On A.F. Losev’s Perception of V.F. Odoevsky: Explicit and Hidden”, *Literature and Philosophy: From Romanticism to the 20th Century. On the 150th of V.F. Odoevsky’s Death Anniversary*, Takho-Godi, Elena A. (ed.), Series “Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction”, Iss. 3, Vodolei, Moscow, pp. 394–410 (in Russian).

Takho-Godi Elena A., Rimondi, Giorgia (eds.) (2019) "A.F. Losev's Personal File in the Archive of the State Academy of Agricultural Sciences: Materials for the Biography of the Thinker", *Filosofskiy zhurnal / Philosophy Journal*, Vol. 12 (2019), No. 3, pp. 151–173 (in Russian).

Takho-Godi, Elena A. (2020) "The Philosophical Background of Literary Criticism: the Case of Yu. Aykhenwald", *Writers and critics of the first half of the twentieth century: predecessors, followers (unforgettable and forgotten names)*, Moscow (in Russian).

Takho-Godi, Elena, Zenkin, Konstantin (in print) "Alexei F. Losev's Mythology of Music as a Development of the Hermeneutics and Sociology of Music".

Tikhomirov, Pavel V. (1900) "Schopenhauer translated by Yu.I. Aykhenwald. [Rec. to:] Schopenhauer A. Collected Works, Transl. and ed. by Yu.I. Aykhenwald. Iss. 1–2", *Bogoslovskiy vestnik*, Vol. 3, No. 12, pp. 716–724 (in Russian).

Whiteley, Giles (2015) *Oscar Wilde and the Simulacrum. The Truth of Masks*, Legenda, Oxford.

Сведения об авторе

ТАХО-ГОДИ Елена Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ; ведущий научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX – начала XX в. ИМЛИ РАН; заведующая отделом Библиотеки-музея «Дом А.Ф. Лосева».

Author's Information

TAKHO-GODI Elena A. – DSc in Philology, Professor at the Department of History of Russian literature at MSU; Leading Research Fellow at the Department of the Russian the late XIX – early XX centuries literature at IWL RAS; Head of the Department at The Library-Museum "A.F. Losev House".